

Вечный ли конфликт?

Не все, что приходит в голову –
мысль.
(Попытка раз-мышления автора)

Компромисс – хороший зонтик,
но плохая крыша.
(Дж. Р. Лоуэл)

1.

На одной из встреч психологов и педагогов прозвучало: «Мы обречены на взаимодействие». Я как-то сразу подумал, что в слове «обречены» есть что-то такое, с чем не хочется соглашаться. И, вместе с тем, это только очередная красивость относительно очевидного. И все же я искал какую-то замену слову «обречены». Может быть мы одарены взаимодействием?

А ведь дело-то в том, что обреченность по отношению к взаимодействию потому и звучит, что взаимодействие не просто конфликтогенно – конфликтно по сути. Конфликтно неизбежно. Разве может взаимодействие без столкновения? Ведь если взаимно- , то как минимум - два участника, два действия. Попробуйте помыслить абсолютную толерантность двух взаимодействующих персон. Теоретически, наверное, возможно. Правда, тогда они должны представлять структуру непротиворечивого целого.

Интересно, почему так трудно допустить, что всякое взаимодействие имеет конфликтный аспект или атрибут? Другое дело, какой стороной это взаимодействие повернуто к нам. В тех случаях, когда в своей конфликтной части оно реализуется по известному способу и вполне удовлетворительно, мы не видим конфликтного аспекта. Если же такого способа как говориться нет, мы обнаруживаем конфликт как текущий (за счет поиска решений и связанных с этим напряжений) или, при неудачных попытках разрешения, как прошедший (за счет переживания неудачи). Именно тогда взаимодействие поворачивается к нам своей конфликтной стороной и мы его так и называем: к о н ф л и к т.

Обреченность в связи с чувствованием (а не признанием) конфликтности взаимодействия звучит практически у всех, кто это чувствует потому, что, чаще всего, еще не различается конфликт как таковой и умение его разрешать.

Это мне напоминает детское: «Плохая игра та, в которой я, не умея играть - проигрываю».

Итак, я утверждаю: конфликт — один из атрибутов любого взаимодействия, характеризующий его формальную условную сторону, за счет которой реализуется содержание взаимодействия. В свою очередь конфликт может представлять собой и собственно содержание взаимодействия, когда он специально разрешается и соответственно переживается. То есть тогда, когда он попадает в фокус внимания взаимодействующих сторон.

Ощущение обреченности появляется там, где мы никак не можем найти достаточно адекватных способов разрешения конфликта. То есть, в каждом частном случае взаимодействия нам приходится решать не задачу — проблему.

Получается, что обычно (и психологи в том числе) конфликтом называют только поверхностный формальный слой взаимодействия в тех случаях, когда актуализировавшиеся в данном взаимодействии противоречия (действительный конфликт) не находят своего адекватного разрешения с первого предъявления.

Обычно начинают обсуждать, что происходит и искать «ключи» к ситуации. Но ведь уже банально звучит тезис о том, что устранение конфликта не ведет автоматически к разрешению актуализировавшегося в нем противоречия. Однако из человеколюбия нас волнует, прежде всего, терапевтическая цель, поскольку жить в конфликте просто трудно. Поэтому сначала устранить то, что создает затруднения! Но как же тогда, вернее, откуда тогда докапываться до базового исходного противоречия? Ведь конфликт и нужен для того, чтобы противоречия «обнажались» и превращались в предмет преобразования.

Отсюда — один шаг до технологической идеи конструирования конфликта (подчеркиваю: идеи, а не самой технологии; об этом еще думать и думать).

1. Инициировать конфликт как актуальное столкновение (это организационно-психологическая техника: тема, место, время, участники, нормы взаимодействия, регулирующие модальность и интенсивность конфликтных действий).

2. Удерживать актуальность конфликта за счет оформления позиций во взаимодействии и выстраивания оснований конфликтных действий.

3. Инвентаризация и сопоставление оснований, их иерархизация и определение ведущих.

4. Отделение со-поставленных, а не противопоставленных главных (ведущих) оснований как базового противоречия с переводом его в предмет совместной работы.

Похоже, что эти технологические идеи «срисованы» с действительности культурной психотерапевтической работы с конфликтом? Думаю, что это не совсем так. В действительности, когда конфликт «вдруг случается», а не конструируется, когда он обрушивается на нас как кара за неосмотрительность («знал бы, где упаду – соломки бы подстелил»), актуальной задачей обычно является минимизация его вредоносности. Последнее время все настойчивее рекомендуется рассматривать происходящий или произошедший конфликт как две стороны одной медали (вроде бы похоже на предложенный мной выше тезис об атрибуте?). То есть «он и что-то полезное несет». Поиск и обнаружение снятого конфликтом противоречия при таком отношении отходит на второй план. И если первая задача (минимизация, устранение) решается успешно, то вторая вроде бы теряет свою актуальность.

Только в психоаналитической традиции оба этих акта – есть единая цепь психотерапевтической стратегии. У техники психоанализа есть и третий акт – инвентаризации, но установлением связи и проявлением сокрытого (вытесненного) обычно психоанализ и завершается. Он не занимается разрешением для себя неразрешимого. Вернее, не занимался.

Зато он в разных подходах пытался представить разные базовые противоречия. Он обсуждает первичные, незамеченные за счет псевдорешений, конфликты, особенности их накопления и, наконец, прорыва в последнем конфликте-симптоме невроза.

Идея гомеостаза как задающая связность и целостность личности, одновременно придает связность и целостность всему психоанализу, независимо от различия в полагании базовых моделей исходного противоречия. То есть, главное – это отношение между Я и Бессознательным.

Не углубляясь здесь в особенности этих взаимоотношений, хочу выделить для раз-суждения тезис о дихотомическом способе разрешения внутриличностного

конфликта. Исходя из традиций психоанализа, тактически всегда побеждает Я, стратегически – Оно. И есть такие периоды относительно гомеостаза, когда Я и Оно пребывают в компромиссных отношениях. Но это обычно сравнительно не долго, а потом опять «кто-кого!»

Эта картина вовсе не выглядит удручающее как может показаться на первый взгляд, если в этой динамике меняется содержание – предмет конфликта. Если же нет, то представьте себе ленту Мебиуса, где выход с внутренней поверхности на внешнюю (или наоборот) не более чем иллюзия – это та же поверхность, и мы в этом убеждаемся.

Блестящим (для меня, по крайней мере) подтверждением данного положения является проблема отношения «мужского-жеского», которую Фрейд обсуждал как форму разрешения либидозных потребностей. Эта, не потерявшая актуальности проблема всегда рассматривалась именно в дихотомическом подходе, т.е. не как противоречие внутри целого, а как возможность и необходимость доминирования по типу «кто-кого» или «кто-кому-должен». В русле предыдущих рассуждений такой конфликт, по-видимому, не может быть разрешен – это «перевертыш» и, главное – он никак не выходит к базовому противоречию. Значит, его надо сконструировать заново?!

2.

Конфликт, но не война!

В ходе личностного становления идентификационные процессы играют ведущую роль. Внутри них работают и механизмы соотнесения: внешнего- и самооценивания, самопринятия, самотрансформации. От развития форм и содержания жизни до суицида.

Полоидентификационный процесс на определенном возрастном этапе здесь – ключевой.

И если пришедший в этот мир ребенок сначала несет на себе печать природной определенности, то впоследствии он с этой определенностью может поспорить. Почему? Да потому, что природной для жизни недостаточно. Есть еще одна

полоопределенность – человеческая. А она ох как неоднозначна! Ну и хорошо, можно самоопределяться! Да, но с ориентацией на какие критерии?

Главным символом мужского и женского является Коитус. Но человечески мужского и женского – не просто коитус, а в определенных условиях. И сами эти условия культура сделала самоценными, раздвинув горизонты примитивного (только в этом контексте) совокупления до сложных форм соития – совместного бытия.

Вот это самое совместное бытие, изначальным символом которого является коитус, а функциональным смыслом – репродуктивная функция, - за счет культурных напластований наполнилась новым содержанием. Это новое – культурное (неприродное) содержание и становится предметом конфликта, попадая в основной фокус внимания.

Межполовые взаимоотношения в современной ситуации за редким исключением рассматриваются не как целостный объект, или явление, или жизненный феномен. Всякий раз это чей-то взгляд. И этот кто-то обычно либо извне, либо самоопределен очень жестоко: как мужчина или женщина. Таким образом, как бы существует либо мужской, либо женский взгляд на проблему. Традиция же состоит в том, что в культурном слое отношения «мужчина-женщина» по содержанию и форме представлены как борьба за власть. Опять же в традиции – борьба за власть всегда ведется в формах «холодной» или «горячей» войны.

Причем, с одной стороны, - это как бы война за независимость. И потому она выглядит как справедливая. С другой, - за сохранение власти, за ускользающие привилегии.

Не кажется ли Вам, что стремление к независимости части от целого странно? Ведь если эта часть добьется независимости, то она же и перестанет быть? Или появиться нечто новое? Что?

И вместе с тем, всякая попытка консервативного плана, т.е. удержания когда-то сложившегося положения в условиях очевидного кризиса – наивна и бесполезна!

Получается, что конфликт как-то сдвинулся от базового противоречия в сторону специфических для другого содержания социальных взаимодействий, а рассматривается как «снимающий» (отражающий) межполовые взаимодействия.*

Теперь для того, чтобы привести в порядок аналитическую работу и действительно продвинуться в разрешении конфликта, а не в детских попытках устранения-избегания, - нужно (по-моему) заново проследить происхождение этой жесткой дихотомии, т.е. исследовать психологически (в культурно-историческом подходе) и с современных позиций переход и синтез природного и культурного в системе этих отношений.

При этом важно понять конфликтность внутри целого человеческого существования как со-поставления равнозначимого разного, а не как противопоставление. И при этом и

* Здесь прямая аналогия с межнациональными конфликтами.

гомеостатическая, и трансперсональная модели – есть не антиподы, а также две стороны конфликтующего в себе целого, и потому, кстати, - живущего.

3.

И всего несколько замечаний к последующей работе.

Интересно, что в процессе перехода от природно-социального к собственно социальному и, в каком-то смысле, даже антиприродному существованию, по-видимому, произошла сдвигка в ценностной иерархии. Если по природе – женщина с ее репродуктивным стабилизирующим потенциалом была ядром со-вместности, а мужчина – оболочкой, то с развитием содержания обеспечивающей деятельности (обратим внимание: а ведь ядерная остается неизменной), ценности и значения перемещаются в эту область. То есть, ядро, как бы искусственно смещается, и роли меняются.

Я понимаю, это совсем банальное рассуждение выглядит почти как примитивное изложение Энгельса. Но... (Тут мне вспомнился Фрейд.) Это самое природное положение ведь не исчезло, не трансформировалось. Ведь репродуктивное стабилизирующее все равно есть. Значит, чтобы роли реально поменялись и новые приобрели устойчивость, необходимо было не только вытеснить, но и заместить. Заместить искусственно, приписав природному. Так появляется миф фалократии (?!)

Но во взаимодействии на индивидуальном уровне зависимость остается: женщина всегда способна на формальный коитус, мужчина зависим от эрекции; женщина в конечном итоге всегда «эксперт» мужского «достоинства»; быть или не быть потомству и какому – тоже в «руках» женщины.

Чтобы преодолеть эту зависимость необходимо ей что-то противопоставлять, что-то более мощное. Это более мощное – формальная власть. Внешние формы обладания господства, доминирования. Вот он – компромисс, за счет которого достигается временный гомеостаз! «У одних – одна власть, - у других - другая». Но другую – не природную власть нужно все время поддерживать, развивать, укреплять. Так функция обладания приписывается мужчине, а вместе с ней и функция доминирования не во всех ситуациях от имени целого, а внутри целого. Причем, здесь очевидный вроде бы отрыв от действительных живых форм. Обратимся к Фрейдовским образам Цветка и Вазы. Можно сказать, что Цветок обладает Вазой как своим местом. Мы так и привыкли к этой однозначности. Но во времена Фрейда иначе помыслить было просто невозможно – это феномен конкретного культурного периода. А сейчас мы можем попробовать рассматривать это иначе: это Ваза обладает Цветком как в Себе Взятый. Если пользоваться символами в такой интерпретации, то обладает, захватывает всегда Вагина, а не Фалос. Тем более что Вагина имеет более устойчивую и более протяженную во времени потенцию.

Можно усомниться и Фрейдовскую спекуляцию о переживании девочкой отсутствия фалоса. По нашим наблюдениям, есть обратное явление: переживание мальчиком излишества фалоса. По сообщению многих родителей, работников детских яслей и садов, им приходилось наблюдать, как мальчики прячут пенис между ножек, заявляя: «Я – девочка!».

Итак, налицо попытка, и вполне успешная в предыдущей истории, компенсировать природное женское превосходство мужским, искусственно созданным. Однако вытесненное, в конце концов, обязательно даст о себе знать, тем более тогда, когда вытеснение и соответствующее давление все усиливаются, делая симптом заметным, превращающимся в патологию.

Временный гомеостаз наружен.

Феминистское движение — свидетельство того, что противоречие со-существования не было адекватно разрешено вытеснением из жизни ее природных начал. Но где же разворачивается конфликт?

Разве в этой войне женщины воюют за женское?

Да нет же — за мужское!

Но можно ли теперь говорить, что женское, что мужское?

На одном из моих семинаров по конфликтам половой идентификации участники, перечисляя мужские и женские качества, достаточно резко их проиво-поставили. Странно, разве нежность — только женская прерогатива? А сила ума — мужская?

Противопоставляемый (по-моему, в этом есть серьезная «натяжка» - это очень сходные движения) феминизму сексизм — уродливое и абсолютно противоположное (хотя провозглашает прямо противоположное) стремление интерпретировать женское как предмет удовлетворения мужских потребностей. Здесь также представитель одного пола представляется как средство для другого.

На мой взгляд, в обоих этих движениях фактические основания приобрели откровенно спекулятивный и откровенно фальсифицированный характер. Что безусловно присуще любой борьбе за власть. Именно власть оказывается предметом конфликта. Но это подмена базового противоречия. Захват власти никогда не ведет к гармонии.

Псевдонаучные спекуляции в этой ситуации вполне понятны при условии, что разрешение конфликта рассматривается с позиции одной из сторон. Одна сторона апеллирует к тому, что «мы тоже люди» (читайте: мужчины? Хм). Другая — к тому, что «так всегда было и было хорошо». И, при этом, ни та, ни другая не пытаются проектировать будущее в связи с настоящим и прошлым, с глубоко и неоднобоко понимаемой историей.

Противоречие со-существования внутри целого обязательно порождает конфликты, которые вполне могут способствовать гармонизации этого со-существования при условии понимания, какие противоречия представлены в этом конфликте.

Этот конфликт — явление нормальное и должен систематически разрешаться как развивающий развивающиеся отношения внутри целого. Его обязательно решает

каждая отдельно взятая Пара: ОН и ОНА. От того, как Пара решает этот конфликт, прямо зависят идентификационные процессы их потомства, т.е. Наше Будущее.

Если схематически представить себе возможные варианты подобных решений в условиях войны полов за власть как контекст, в котором растущее поколение определяет и строит свой менталитет, то можно сформулировать несколько основных типов: **

1. Мужчины или женщины (обособление, противопоставление).
 2. Не-мужчины и не-женщины (контркультурное самоопределение).
 3. Мужчины около женщин (традиционные модели от архаичных до компромиссных).
-

А вот так можно представить себе модель сопоставления перспектив взрослого, реализуемого в супружестве мира, т.е. «Мы» с самоопределяющимся подростковым, т.е. «ОНИ» среди нас:

** Конечно, есть и какие-то феномены, но они пока носят частный характер и слабо влияет на социокультурную ситуацию.

МЫ

Феминизм. Женщины не зависимы от мужчин. Компенсация мужских функций. Самодостаточность. Мужчины как средство. Возможный итог: мужская цивилизация в женском, но значительно маскулинизированном обличье с наличием мужских особей, выполняющих социальные периферические функции (далее размышлять жутко).

ОНИ

Неизбежная маскулинизация девочек. Ценности физической силы, агрессивности, доминирования. Противопоставленность природным процессам, травмы нереализованности. Феминизация мальчиков в неволе, неостребованности качеств поддержки, опеки. Понимание внешних оценок и

Сексизм. Реставрация Крайняя феминизация
патриархатного устройства общества девочек с освоением роли
с фалократической символикой, где сексуального объекта. Секс =
женское обслуживает мужское. успех! Самоэксплуатация
Подавление эмансипационных («товар скоропортящийся»)
движений, что, разумеется, вызовет Обострение агрессивных
явные латентные движения псевдомужских качеств -
сопротивления. Обострение войны «самца».
(далее тоже жутко).

Компромисс как худой мир, только «Я не-мужчина и не-
потому, что существует опасность и женщина в том смысле, в
«справа» и «слева». котором это понимают
предки-родители». «Мы –
сами себе собственные
образцы».

Та или иная модельная установка в Паре появляется просто потому, что ОН
И ОНА, в свою очередь, живут в Нашем обществе и получают Наше Образование.
Образование же, как организованное в специальные институты, традиционно было
(как и порождалось) мужским, поскольку мужчину для выполнения им
специальных функций по искусственному поддержанию и созданию условий,
необходимо было специально образовывать. Женщину же для реализации ее
функций образовывала сама природа, и ее дополнительное образование могло быть
исчерпано прямой и непосредственной передачей опыта. Мужское же образование
совершенствовалось как искусственное, как развитие мета-функций. Женщины к
середине, и особенно в конце, 19 века стали внедряться именно в мужское, т. е. для

мужского построенное образование. Тот факт, что они легко его освоили и даже, как замечают – захватили, не превратило образование в женское. По этому поводу сейчас существует много иллюзий. Я думаю, что женщины не сделали собой мужское образование женским. Скорее наоборот: они приспособились, трансформировав лишь формы организации, но мужское содержание по своим целевым установкам остается неизменным и мощно противостоит реализации женского менталитета.

Возникают страшные парадоксы: 1. Образование, в его институционализированных явлениях по форме противостоит мужскому менталитету, порождая ранние и по понятным причинам непродуктивные конфликты. И, поскольку идентификация экзистенциально значимей, то в жертву мальчикам приносится именно образование, когда они в подростковом возрасте фактически поставлены перед выбором. Вместе с тем, это же обстоятельство порождает дополнительные и тоже не продуктивные конфликты самоопределения уже в условиях противопоставления мужского и женского. 2. Это же образование противостоит по происхождению и устройству предметного содержания женскому менталитету, буквально требуя от девочки мужского мышления и мужских способов социализации. И, поскольку приспособление формы обуславливает большую толерантность девочек, то их ментальные сопротивления менее явны, протекают чаще латентно и проявляются позже.

Все эти обстоятельства в предыдущий исторический период, т.е. пока действовали модели гомеостаза, не требовали аналитического внимания (по крайней мере, пристального, если судить по публикациям, зарубежным, разумеется) и не выступали, таким образом, как противоречия, из которых вырастает конфликт. Теперь же ситуация существенно изменилась.

В образовании все более заметными становятся явления «вымывания мальчиков», формально-поверхностного образовательного продвижения девочек, формирование представлений о семье как форме автономного существования на сексуальной или экономической основе. Все более очевидна беспомощность попыток «все изменить, ничего не меняя». Наивно, а порой жалко и страшно выглядят попытки сегрегационно-реставрационного типа: загнать мальчиков в

казармы (педагогические, технические и др. «мужские» лицеи), а девочек – в институты благородных девиц. Какой-то ностальгический синдром! А телевиденье, рок, тусовки и все остальное куда девать? Значит, снова попытка простыми способами решать сложные проблемы. Значит вместо разрешения конфликта – попытка устранить симптомы противоречия, которое даже и не выявлено как следует.

Пока наша культура не имеет женского образования.

Может быть, оно и не должно быть отдельно женским, отдельно мужским? Но сейчас мы имеем только с мужское образование в женском обличье и это следствие борьбы за власть. Борьбы воспроизводящейся: «вчера – вы нас, завтра мы - вас». Борьбы, которая в настоящее время обостряется. И, не дай Бог, кто-нибудь победит.

Литература, чтение которой способствовало этому размышлению.

1. Алешина Ю.Е., Болович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчин и женщин. Вопросы психологии 1991, №4.
2. Артемьева О.В. Человек = мужчина + женщина. Гиллиган К. Иным голосом. Этическая мысль. М.Республика, 1991.
3. Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта. М., Радио и связь, 1983.
4. Браун Л. Женский вопрос, его историческое развитие и экономическое значение. С. Пб., 1903.
5. Кле М. Психология подростка. Психосексуальное развитие. М., Педагогика, 1991.
6. Компейре Г. Отрочество. Его психология и педагогика. Психология и педагогика женщины. Изд-во Богдановой, 1910.
7. Мольтманн-Вендель Э. И сотворил Бог мужчину и женщину. Феминистская теология и человеческая идентичность. Вопросы философии, 1991, №3.
8. Тархова Л. Воспитать мужчину. М., Педагогика-Пресс, 1992.
9. Хиггис Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе. Глобальные проблемы и человеческие ценности. М., Прогресс, 1990

10. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. В 2-х томах. Тбилиси, «Мерани», 1991.
11. Bybee J., Gigler E. Differences across gender, grade level, and academic track in the content of the ideal self-image. Sex Roles. 1990/ vol.22 No 5-6.
12. Gannon L. and others. Sex Bias in Psychological Research. Progress or Complacency? American Psychologist. Vol. 47 №3. 1992.
13. Brody L.R., Hay D.H., Vandewater E. gender, gender role identity, and children's reported feelings toward the same and opposite sex. Sex Roles – 1990, Vol. 23 No 7-8.
14. Archer J. Gender stereotyping of school subjects. Psychologist, 1992 Vol. 5 No2.
15. Kaplan H.B. Sex differences in social interest individ. Psychol. 1991. No1.